

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 5505.

Вторникъ, 25-го декабря 1901 г.

№ 5505.

Башмачки ея куклы.

Сказка.

Жили-были однажды старей-престарый башмачникъ, котораго звали дѣдушкой Бернардомъ, и маленькая дѣвочка по имени Лили. Старикъ чинилъ башмачки въ конурѣ, пріютившейся къ дому, въ которомъ жили родители Лили. Къ украшенію бога-

етъ къмъ онъ никогда не спорилъ, всякаго и каждаго онъ встрѣчалъ съ пріятливою улыбкой и добрымъ словомъ. Всѣ въ кварталѣ знали дѣдушку Бернара, и всѣ его любили.

Однажды онъ сидѣлъ на своей изящной трехногой табуреткѣ и, поколачивая молоткомъ по каблукъ чьего-то башмака, мурлыкалъ старую-престарую пѣсенку, когда у входа въ его конуру появилось маленькое кокетливое существо.

— Здравствуйте, дѣдушка Бернар,

— Здравствуйте, дитя мое, добро пожаловать, моя милая!—отвѣчалъ ста-

— Что, дитя мое?
— Дѣдушка, я пришла на счетъ башмаковъ моей...

Тогда только старикъ поднялъ голову. Сквозь огромныя очки онъ увидѣлъ въ рукахъ Лили большую куклу, разодѣтую въ пухъ и прахъ и съ крошечными башмачками на толстыхъ костяныхъ ножкахъ.

— ... башмаковъ моей куклы,—договорила Лили.

Но дѣдушка Бернаръ былъ не таковъ. Онъ бросилъ свой башмакъ, отложилъ молотокъ и, поправивъ свои очки, принялся весьма внимательно осматривать крошечные башмачки Лилиной куклы. Своими испачканными ваксой костлявыми пальцами онъ поворачивалъ ихъ во всѣ стороны, лица какого нибудь изьяна.

— Носки? Гм... Гм... Подошвы? Да, да!.. Каблуки? Ничего, ничего!..

Б Л И З К А

таго четырехэтажнаго зданія эта ветхая конура не служила, но для небогатахъ жильцовъ это сосѣдство башмачника было очень удобно. Когда чья-нибудь обувь въ домѣ заболѣвала, то обращались къ старейшему врачу, который всегда былъ подъ рукою.

Дѣдушка Бернаръ къ тому-же не былъ докучливымъ сосѣдомъ. Ни разу никто не видалъ его сердитымъ, ни

рикъ.

Онъ по голосу узналъ маленькую Лили, которая, проходя мимо его „мастерской“, никогда не забывала пожелать ему добраго утра.

На этотъ разъ однако Лили пришла не для одного привѣтствія. У нея было важное, очень важное дѣло.

— Дѣдушка, дѣдушка,—окликнула она еще разъ старика.

На ибѣтъ дѣдушки Бернара всякій другой башмачникъ навѣрное разсердился-бы и живо спровадилъ-бы дѣвочку.

— Моя милая,—сказалъ бы онъ ей,—вы глупая дѣвочка! Старога чловѣка, у котораго работы по горло, не беспокоятъ съ такими пустяками. Мое дѣло чинить башмаки для людей, а не для куколь.

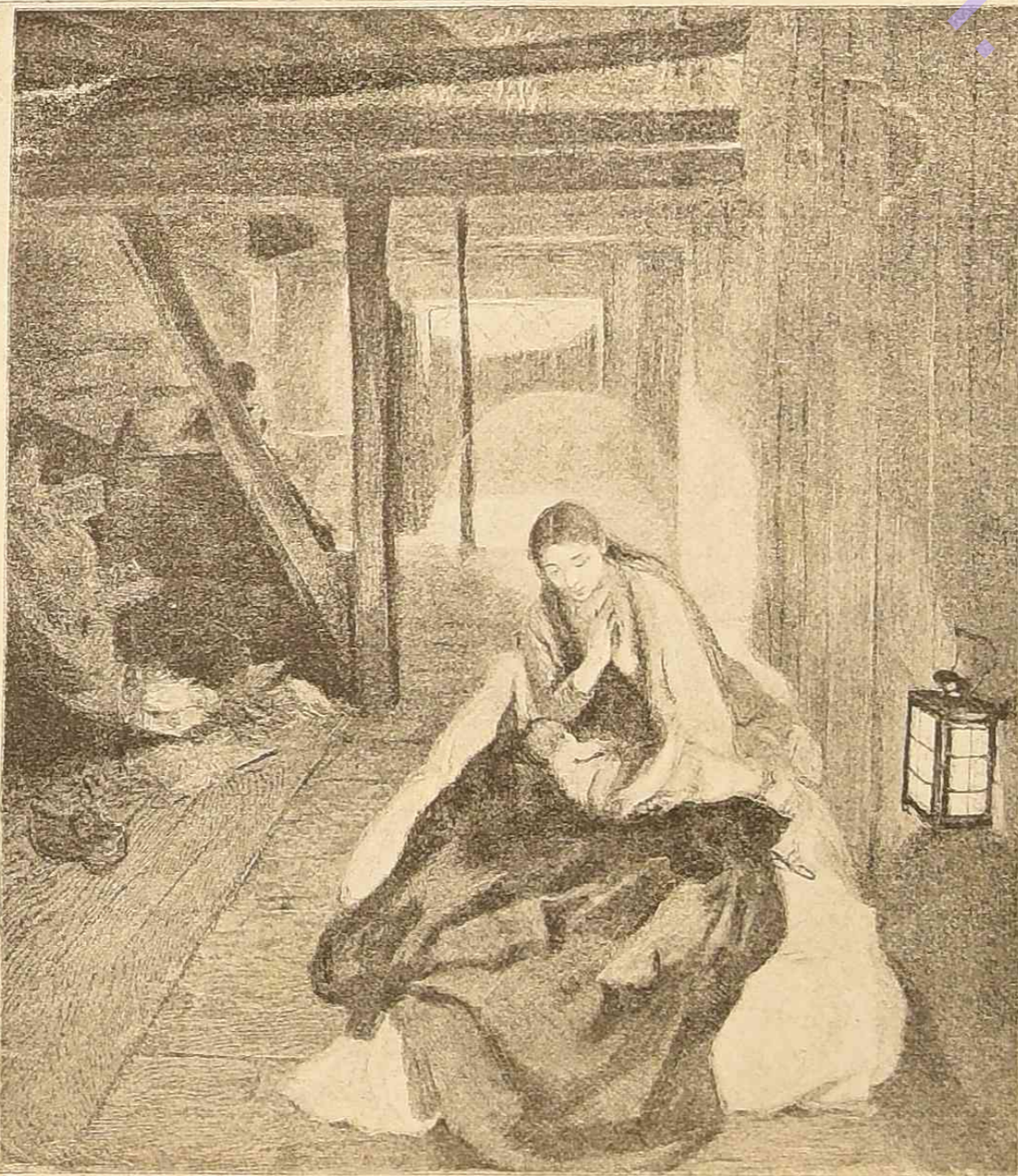
Диагнозъ былъ окончень, и лѣченіе назначено.

— Будетъ сдѣлано, дитя мое!—сказалъ дѣдушка.

— А дорого это будетъ стоить, дѣдушка?—не безъ тревоги въ голосѣ освѣдомилась Лили.

— Не беспокойся, дитя мое, мы сойдемся въ цѣнѣ.

— А долго это будетъ?

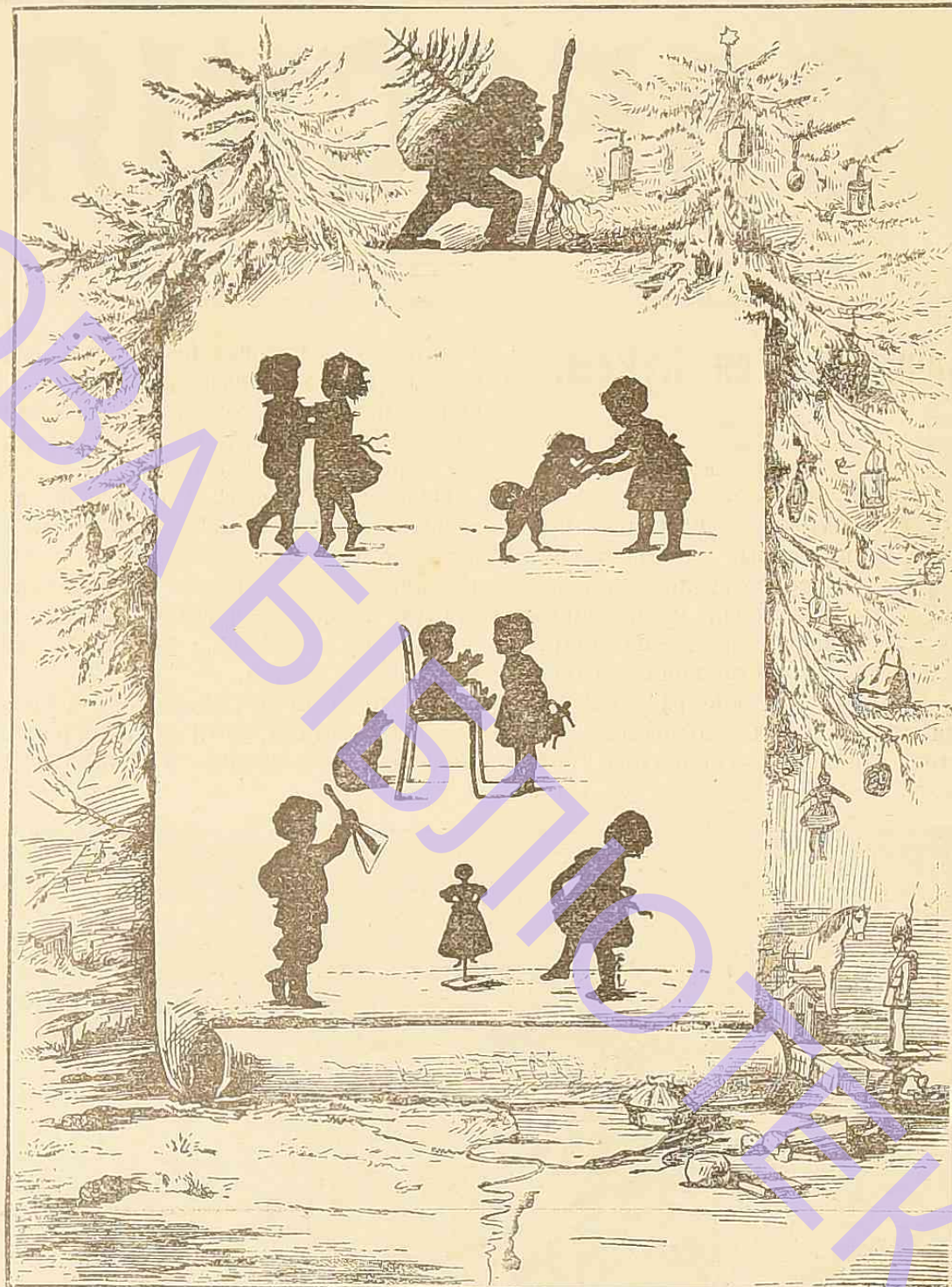

— О, да! Работы изрядно. Приходи, впрочем, завтра, в это же время. — Пожалуйста, дедушка милый, на

езно. — Нить, дитя мое, оставь у себя эти два су, купи себе на нихъ

Къ разсказу „Башмачки ея куклы“.

На праздникахъ.

завтра непременно съѣзжайте!

И все проникнутая важностью дѣла, которое она только что заключила сама, безъ мамашы, точно взрослая дѣвица, Лили ушла, унося свою расфуфыренную, но босую куклу.

На другой день, „въ это-же-время“, Лили была на мѣстѣ.

— Здравствуйте, дѣдушка Бернар! Готовы-ли мои башмачки?

— Какъ же, — совсемъ готовы! Вотъ, дитя мое, получите.

И на низенькомъ столикѣ башмачника появилась миниатюрная обувь куклы.

— Сколько вамъ слѣдуетъ, дѣдушка?

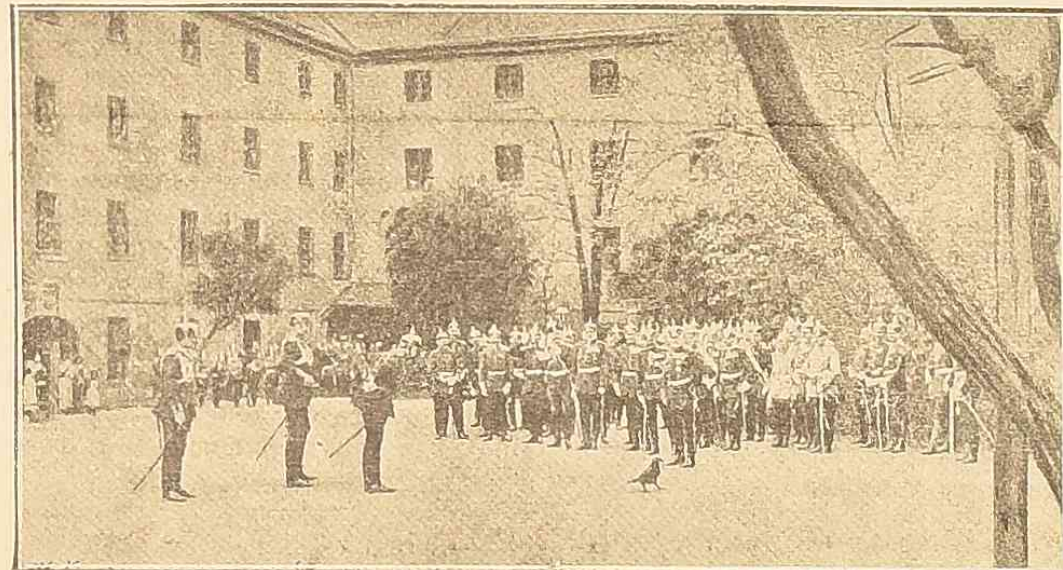
— Гм... гм... Новые носки... двойная подошва... исправленныя каблуки... да, работы было достаточно.

Лили изъ розовой стала красной, какъ макъ. Еще немного, и она тутъ же расплакалась бы.

— Дѣдушка, — пробормотала она, едва сдерживая душищя ея слезы, — у меня только два су, которые мама мнѣ дала на пирожное. И я думаю...

Слезы не дали ей договорить.

Дѣдушка Бернаръ вралъ съ ашомбомъ деревенскаго знахаря. Онъ и не притрагивался къ новехонькимъ башмачкамъ куклы, которые ни въ какой починкѣ вовсе не нуждались. Но старый башмачникъ не былъ изъ тѣхъ педагоговъ, которые думаютъ, что дѣтямъ слѣдуетъ внушать благоразуміе и систематически разрушать самую невинную ихъ иллюзію. Своимъ простымъ, какъ сама природа, неломучимъ лукаво умомъ онъ понималъ, что дѣтей нельзя заставлять быть взрослыми. И въ этой дѣтской комедіи онъ до конца хотѣлъ играть свою роль совершенно сери-

Императоръ Вильгельмъ, послѣ осмотра произведеннаго Александровскому гренадерскому полку, присутствіи при дезинформации вороны, выдѣлироваанной полкомъ.

Рождественскіе праздники въ германской арміи.

Гразднованіе Рождества Христова въ Румыніи.

пирожное, а мнѣ за мои труды вѣлика два поцѣлуя, въ обѣ щеки! Это будетъ по-сосѣдски. Два поцѣлуя и мы будемъ съ тобою квиты.

Лили знала, что стариковъ можно цѣловать. И конура дѣдушки Бернара огласилась звуками двухъ чистыхъ, какъ только что вываши свѣтъ, звонкихъ поцѣлуевъ.

Цѣлый день потомъ старый башмачникъ пѣлъ свою старую-престарую пѣсню о фѣѣ и живой водѣ. И вѣстѣ съ нимъ, казалось, пѣли все старыя, дѣревья башмачки, гирляндами развѣшанные по стѣнамъ мрачной конуры.

И.

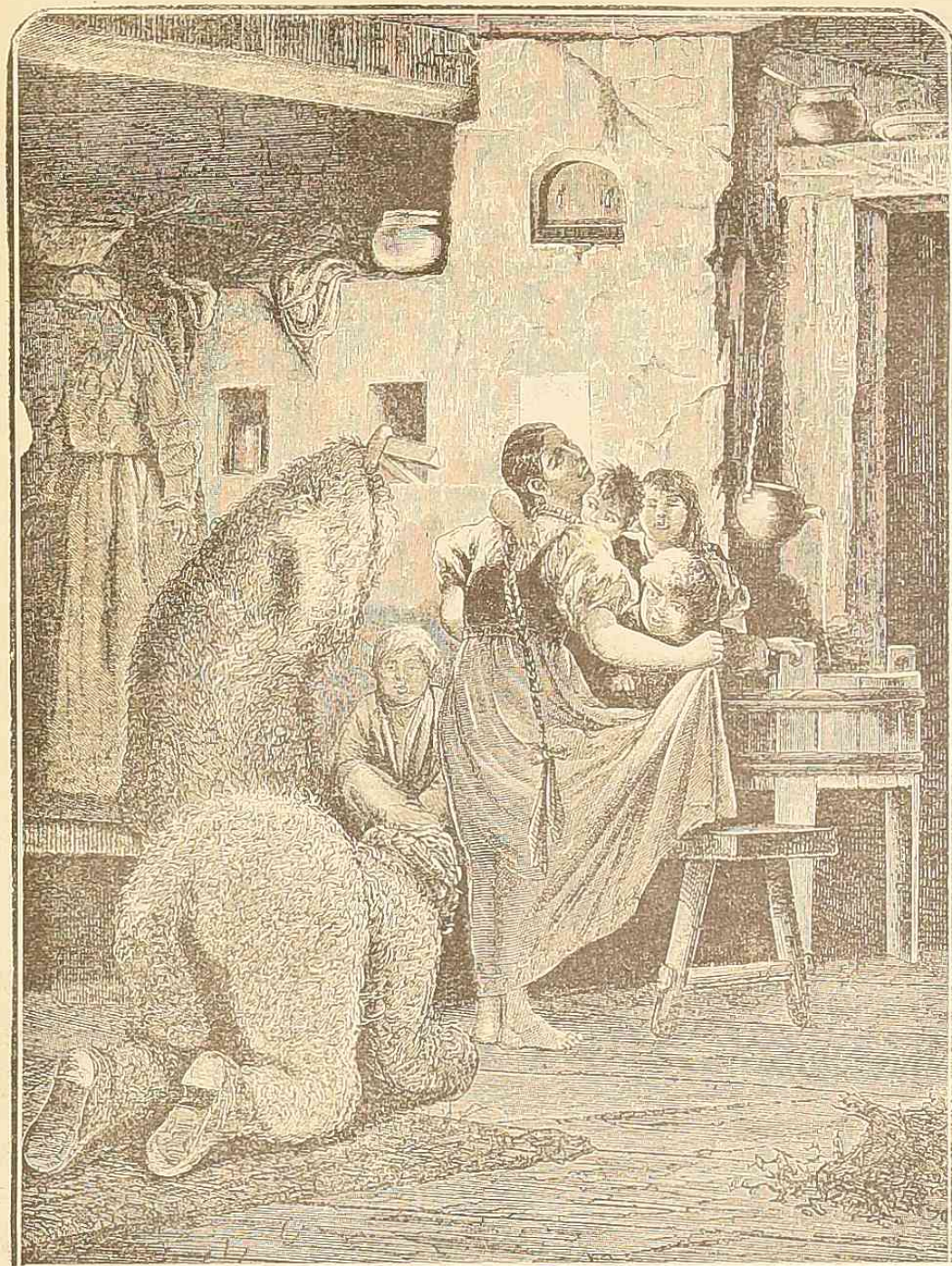
Всему на свѣтѣ есть конецъ.

Разсказъ Финлиса *)

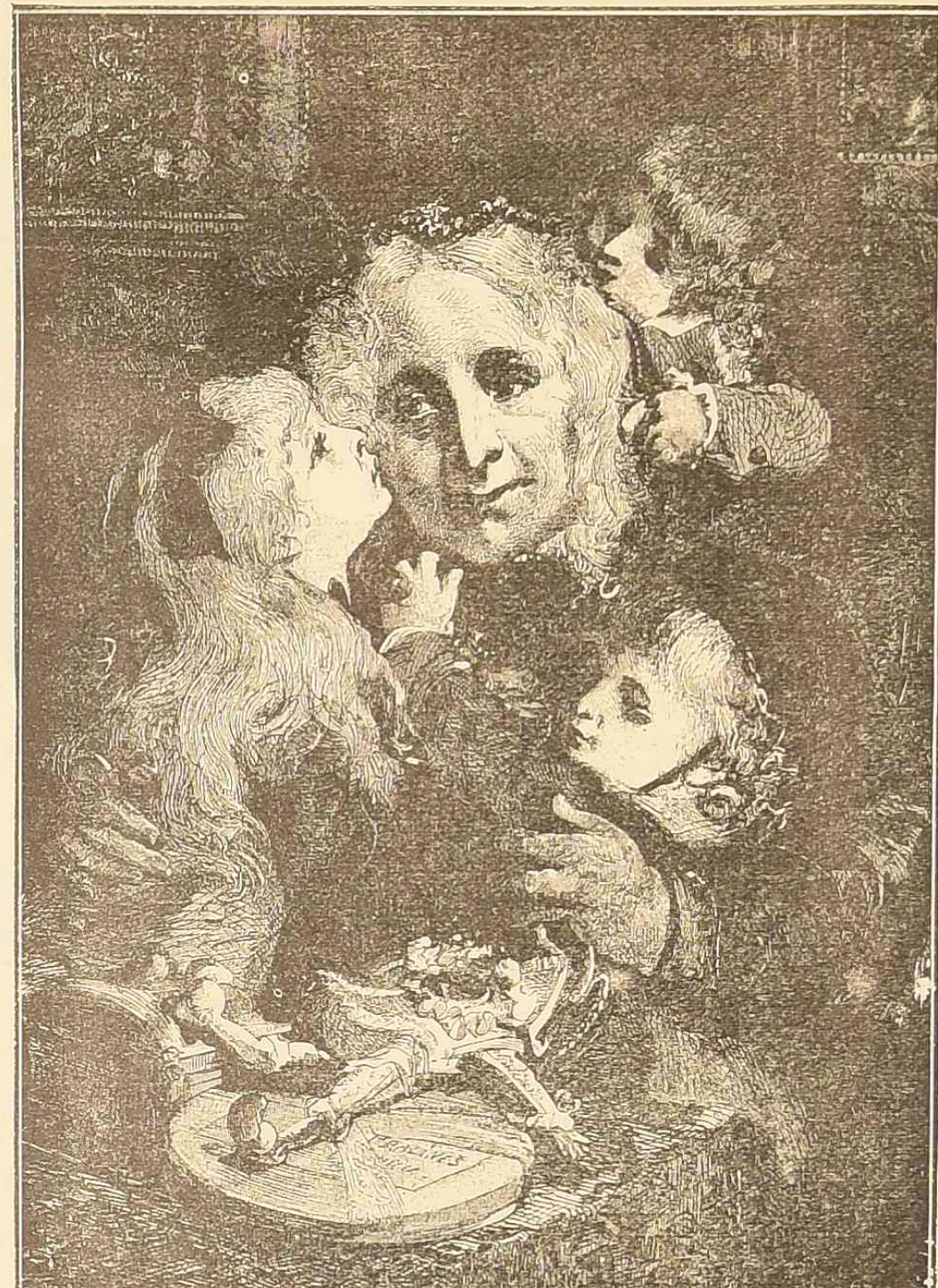
Когда они разстались, онъ упалъ къ ея ногамъ и цѣловалъ край одежды. Какъ смѣшна казалась ему сегодня эта выходка! И однако онъ все же боялся новой встрѣчи съ этой женщиной. Въ то время онъ находилъ, что она поступила съ нимъ возмутительно; говоря попросту, она играла съ нимъ, потому что дала ему отставку. Она была замужняя женщина, онъ — мальчикъ.

Помнилъ онъ малѣйшія подробности разговора. Это была, пожалуй, юношеская страсть, но (отрицать этого онъ теперь не могъ) страсти, оставшаяся слѣдъ. Дверь ея комнаты не была въ оранжерею. Въ этой-то оранжереѣ онъ и держалъ себя всего глубже, — въ ней да еще около роля, за который она случайно съѣла, а онъ упалъ на колѣни, какъ дѣлаютъ влюбленные въ англійскихъ иллюстраціяхъ. Она встала, медленно прошла по оранжереѣ, нюхая цвѣты, говоря обидныя слова своимъ новымъ, небрежнымъ тономъ, а онъ робко съ-

*) Переводъ „Р. Вѣд.“

Ряженые на святкахъ въ деревнѣ.

На Елку. Послѣдніе дни и первые годы.

довалъ за ней, точно высѣченныя собака, молчалъ се смилостивиться и въ порывѣ страсти зѣлалъ вѣтку папиротника, которую она сорвала, а потомъ бросила. Вѣдь она трогала ее въ послѣднія минуты, проведенныя ими вмѣстѣ! Она наемѣшливо поведала плечами, а его глаза были полны слезъ отъ ея жестокости.

— Какъ вы полагаете, чѣмъ можетъ такой мальчикъ, какъ вы, удержать такую женщину, какъ я? — спросила она. Ничего болѣе обиднаго она сказать не могла, и онъ помнилъ, что совершенно растерялся отъ этихъ словъ. Воже мой! Какъ глупъ онъ былъ, какъ негодно брался за дѣло, съ своимъ вѣчнымъ паюсомъ и укорамі! Si jeunesse savait, si vieillesse rougissait!

— О чемъ думаешь ты, милый? — спросила она. — Я думаю о томъ, какъ ты очаровательна въ этомъ платьѣ, дорогая моя, — отбѣдилъ онъ. У него сохранилась привычка говорить женѣ любвиности. Циники изъ его друзей утверждали, что онъ забывалъ, кто она, и

Нелли, читавшую романъ Таухица. Какая она хорошенькая, какая доверчивая! Что сказала бы она, если бы знала о его теперешнемъ настроеніи? Какъ оно ни безгребнино, она страдала бы до глубины сердца.

— Что за вадор! Зачѣмъ ему ради этой женщины болѣть изъ дома? Вѣдь не любить же онъ ее болѣе? Конечно, нѣтъ!

Романъ Таухица оустился на колѣни миссисъ Мэксуэлъ.

— О чемъ думаешь ты, милый? — спросила она.

— Я думаю о томъ, какъ ты очаровательна въ этомъ платьѣ, дорогая моя, — отбѣдилъ онъ. У него сохранилась привычка говорить женѣ любвиности. Циники изъ его друзей утверждали, что онъ забывалъ, кто она, и

дѣйствовалъ въ силу привычки. Миссисъ Мэксуэлъ недоверчиво покачала головой.

— Между твоими бровями была сейчасъ уся, какъ дѣлаешь всегда, когда не въ духѣ. И дѣйствительно „очаровательна“ въ этомъ платьѣ, а это знаю, — только ты не объ этомъ думай.

Онъ повиновался висящему импулсу. — Поди сюда, Нелли! Вскорѣ — послѣ нашей свадьбы — ты предложила мнѣ одинъ вопросъ. Ты спросила, любилъ ли я когда либо другую дѣвушку, кромѣ тебя.

— Да, а это помню, отбѣдала Нелли.

— Я поклялся тебѣ, какъ глупо я вѣлъ себя однажды изъ-за замужней женщины, и даже просилъ тебя никогда не употреблять извѣстныхъ духовъ, потому что они напомнили мнѣ ее. Помнишь все это?

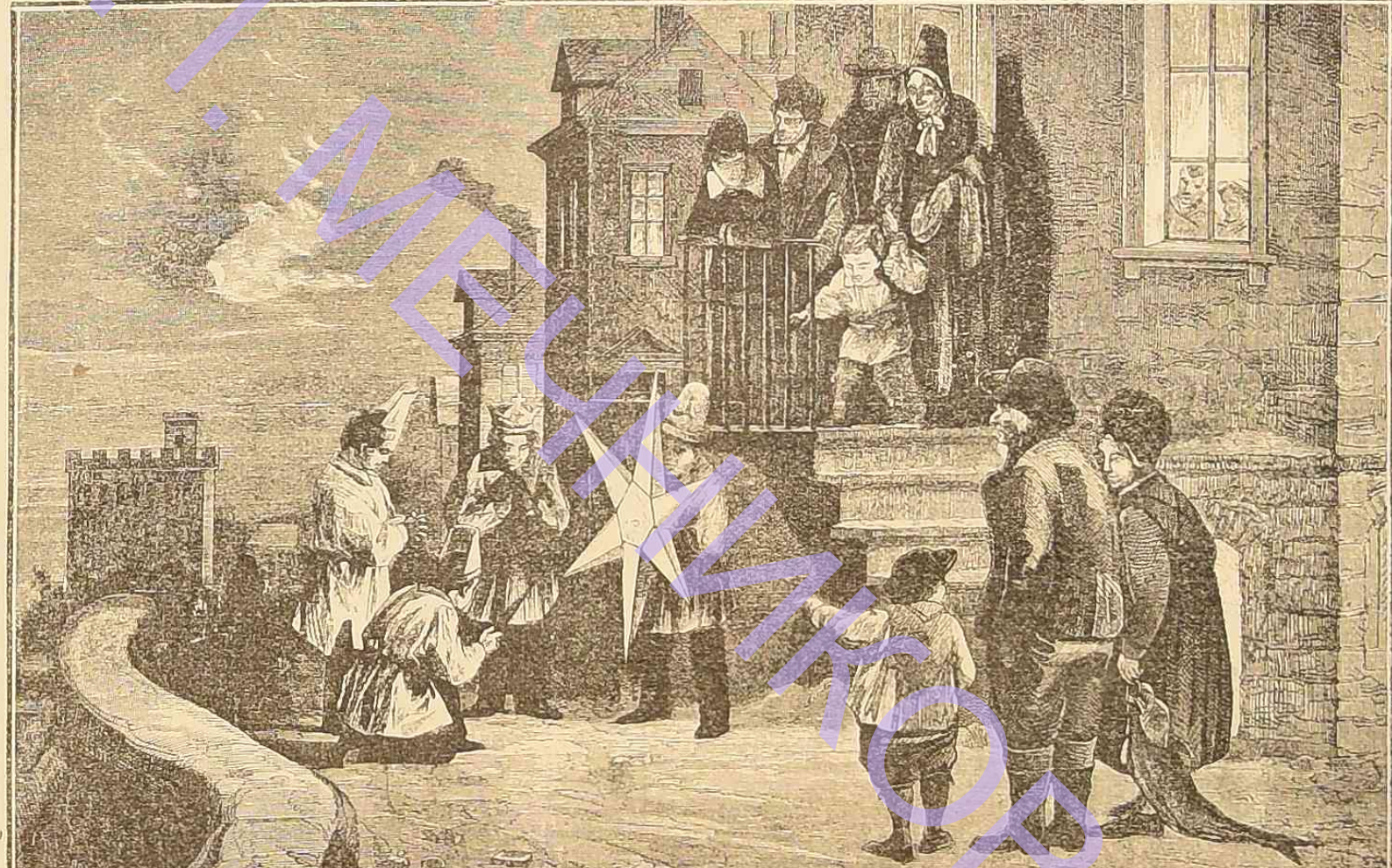
— Помню, помню! Продолжай!

— Ну, такъ эта женщина здѣсь, вотъ и все! И мнѣ это неприятно.

— О! — прошептала Нелли, а потомъ между ними воцарилось молчаніе. Нелли первая нарушила его.

— Вѣдь это конечно, Джекъ, совсѣмъ конечно? Она не можетъ, не попытаться?... Ты женатъ; тебѣ слѣдуетъ только поклониться ей и пройти мимо.

— Не знаю, — нерыительно пробормоталъ онъ. — Мнѣ не хотѣлось бы ее видѣть. Во всякомъ случаѣ поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Мы уйдемъ изъ Денны въ концѣ недѣли; по всему вѣроятію, я никогда не встрѣчусь съ нею болѣе.

Празднованіе Рождества Христова въ Норвегіи.

Никогда во все время, пока онъ за ней ухаживалъ, не была она такъ очаровательна и кокетлива, какъ въ этотъ вечеръ. Гораздо яснѣе, чѣмъ мужъ, сознавала она, что у нея есть соперница, хотя бы только въ видѣ воспоминанія, и она напрягала все силы, чтобы побѣдить ее.

Когда миссисъ Максуэль подняла голову, она замѣтила, что мужъ ея вдрогнулъ. Черезъ мгновеніе, слѣдя за направленіемъ его взгляда, она узнала ту женщину.

— Прекрасна, — подумала она, — очевидно поблекла! Желала бы я знать, такъ ли она обаятельна, чтобы заставить его забыть это? Или же я могу отважиться на героическій подвигъ?..

— Послушай, милый, — раздался вдругъ напряженный голосъ Джэка, — не кажется ли тебѣ, что мы достаточно играли въ эту идиотскую игру? Пойдемъ на террасу.

Онъ не отваживается остаться съ ней въ одной комнатѣ! Это ужъ чертучья! Это просто унизительно!

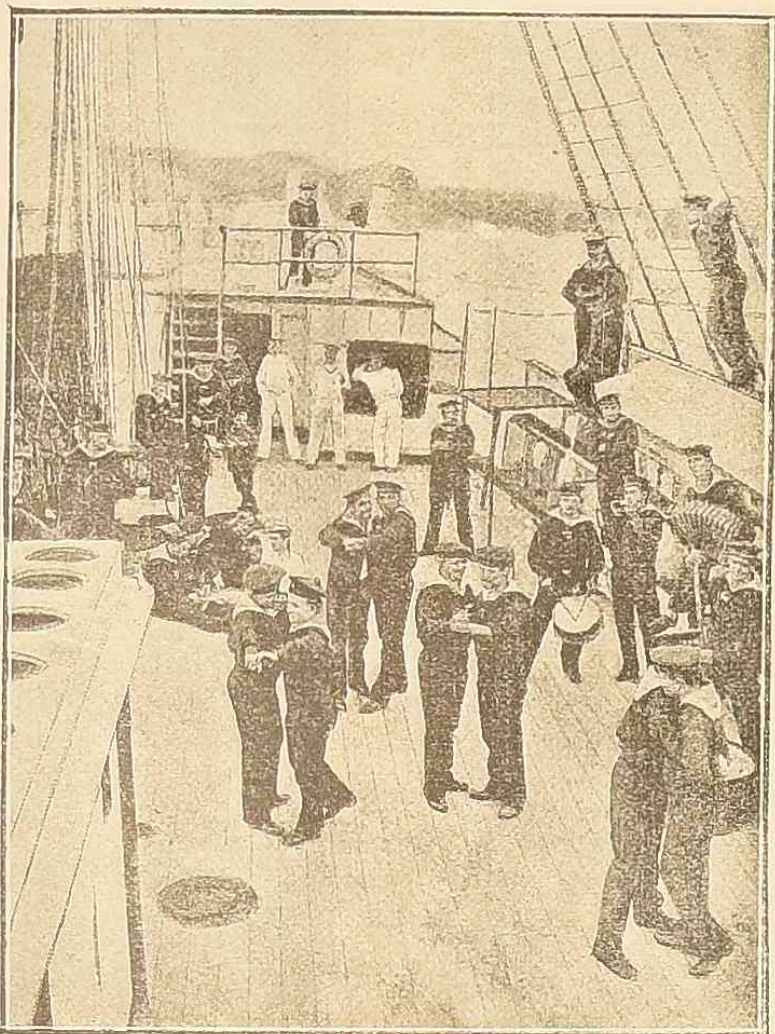
— Ступай на террасу одинъ, — ласково отвѣтила миссисъ Максуэль. — Пойди и выкури спокойно сигару на свежемъ воздухѣ, а когда кончишь, зайдя сюда.

Джэкъ покорно удалился, и она видѣла, что та женщина замѣтила это.

— Послѣдуетъ-ли она за нимъ или нѣтъ? — подумала миссисъ Максуэль. Не сейчасъ, вѣроятно; это слишкомъ бросилось бы въ глаза!.. Терпѣніе!..

Десять минутъ спустя миссисъ Джерингамъ небрежно встала отъ стола и вышла въ стеклянную дверь. Миссисъ Максуэль съ внезапной нервною стиснула руки на кофѣнкахъ. Вѣдь въ сущности это — героическій поступокъ! Не слишкомъ-ли она была отважна и тороплива?.. За окномъ разливался лунный свѣтъ, и слышался плескъ волнъ. Это — опасная вещь въ данномъ случаѣ! Ужъ не ошиблась-ли она? Она подвергла мужа искушенію, котораго могла бы избѣгнуть! Не послѣдовать-ли за нимъ, не спасти ли его, пока еще время? Нѣтъ, она этого не сдѣлаетъ! Она пойдетъ на рискъ, все равно, — съ луннымъ свѣтомъ или безъ него!..

Они встрѣтились лицомъ къ лицу (это входило въ планъ миссисъ Джерингамъ), и ея легкій жестъ изумленія былъ безупре-

Матросскій балъ на палубѣ броненосца.

честъ.

— Вы ли это, мистеръ Максуэль? Возможно-ли это?

— Какъ поживаете, миссисъ Джерингамъ? Я...

Онъ чуть было не сказалъ, что радъ ее видѣть, однако воздержался:

— Я не знала, что вы къ Диеппю. Давно ли вы тутъ?

— Я здѣсь съ женой около мѣсяца, — отвѣтилъ онъ,

— Съ женой? Неужели?

Она слегка улыбнулась. Онъ отлично помнилъ эту улыбку.

— Игакъ вы женаты? — продолжала она.

— Можно васъ поздравить?

— Благодарю, — сказалъ онъ, — вы очень добры. Вашъ мужъ...

— Умеръ, — закончила она его фразу. — Не справляйтесь поэтому о его здоровьи.

Вы вѣчно дѣлали такіе промахи!

Она разсмѣялась.

— Я постоянно исправляла ваши ошибки въ давно прошедшія времена, — прибавила она. — Вѣдь такъ? Какъ видите, я не измѣнилась... Значитъ, вы женаты! И вѣдь говорила вамъ, что вы женитесь, а вы мнѣ тогда не вѣрили...

— И вотъ, вы оказались правы.

— Конечно, я была права... Не съѣли ли намъ? Или жена вамъ этого не позволила? Скажите пожалуйста, вы у нея пощипали башмакомъ? Въ былые дни вы были какъ

разъ такимъ юнцомъ, котораго можно заклевать. Но, можетъ-быть, вы исправились съ того времени?

— Можетъ. Вотъ два стула...
— Благодарю. Знаете-ли, очень забавно встрѣтить васъ въ роли женатаго человека. Помните-ли, какъ вы клялись, что никогда, никогда, никогда?..

Она оборвала свою рѣчь и снова расхохоталась.

— Признаться вамъ кое въ чемъ? Послѣ вашего отъѣзда, въ тѣ минуты, когда я чувствовала желаніе посапнтиментальничать, я готова была иногда повѣрить вамъ...

Она выгнулась впередъ и вперила въ него тотъ самый взглядъ, который казался ему когда-то такимъ неотразимымъ. Но теперь онъ былъ почему-то менѣе обаятельнымъ. Глаза, быть можетъ, не измѣнились, но лицо стало старше, и выраженіе это казалось потому неумѣстнымъ. Ему стало даже грустно при видѣ перемены, произведенной въ ней временемъ. Женщина, воспоминаніе о которой такъ волновало его, исчезла. Онъ много думалъ о ней, а теперь она не существовала долѣе.

— Вы мнѣ не рады? — спросила она.

Онъ не былъ радъ ей; ему было только жаль ее, но сказать ей этого онъ не могъ и поэтому вѣжливо выслушивалъ въ теченіе десяти минутъ ея тиготскія заигрыванія и шутки. Потомъ всталъ.

Завладѣть имъ вновь она не можетъ.

— Я полагаю, что вы видите меня сегодня въ послѣдній разъ въ жизни? — сказала она, пожимая ему руку на прощанье.

— Вѣроятно, — отвѣтилъ онъ.

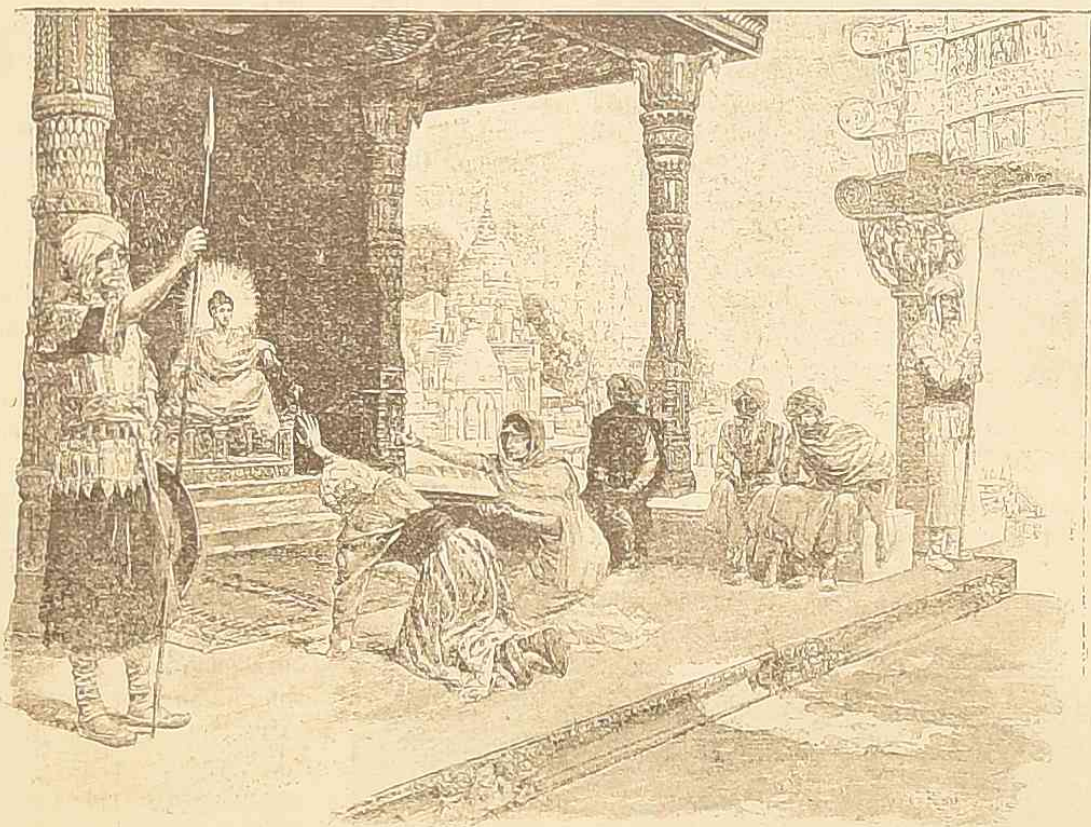
Но про себя онъ подумалъ, что видѣлъ ее въ послѣдній разъ ровно девять лѣтъ тому назадъ.

Когда онъ вернулся къ женѣ, она воспринимательно поглядѣла на него.

— Весело-ли тебѣ было, милый? — спросила она съ самой певинной физиономіей.

— Мнѣ будетъ весело завтра, когда я буду въ состояніи посмѣяться надъ собой, отвѣтилъ мужъ. Сегодня ветромъ я еще не могу этого сдѣлать.

Миссисъ Максуэль поняла его и была очень довольна.

Нъ разказу „Побѣда“.
(См. сегодняшній № „Од. Нов.“)

Рождество въ Неаполь. На рыбно́мъ базарѣ.